

циклов его стихотворений и поэм, без тени иронии назвать «Одиссеей о последнем романтике».

До болезненности обостренное восприятие Григорьевым противоречий своей эпохи, лишь смутно ощущаемое в его критических статьях и яркими вспышками пробивающееся в его поэзию, в личной переписке Григорьева предстает в обнаженном виде, не прикрито ни звучными славянофильскими лозунгами, ни сентиментально-романтической героизацией собственной судьбы. Обращаясь к эпистолярному наследию Аполлона Григорьева, исследователь сталкивается с самыми затаенными уголками теоретической мысли критика, имеет возможность пристально изучить «подноготную» его мысли, а тем самым в какой-то степени и «подноготную» многих коренных идей славянофильства. И в этом, как нам представляется, главное значение эпистолярного наследия Григорьева как источника по истории славянофильства, — значение, определяемое прежде всего бесстрашной откровенностью автора в оценке своих идей и взглядов.

Л. Е. ШЕПЕЛЕВ

РЕГЕСТЫ И ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ XIX—НАЧАЛА XX в.¹

Успехи развития исторической науки всегда связывались с изданием исторических источников. Видный советский историк, источниковед и археограф С. Н. Валк считал, что издание документов есть необходимое условие их научного использования. В предисловии к своей книге «Советская археография» он писал: «Известно, что изучать историю можно лишь на основе исторических источников. А сделать доступными широкому кругу историков эти источники можно лишь в том случае, если они будут изданы».² С. Н. Валк при этом не выделял источники каких-либо исторических периодов, а имел в виду источники всех эпох. Однако и справедливость процитированного суждения, и возможности реализации содержащегося в нем условия различны не только для источников разных эпох (а следовательно, и с разными особенностями), но и для публикационной деятельности в разное время (и в разных обстоятельствах).³ К публикацион-

¹ Мы имеем в виду документы, образовавшиеся в деятельности по преимуществу государственных учреждений дореволюционной России с начала XIX в. Это период становления и господства капиталистической формации, а также период существования министерской системы государственных учреждений и присущей ей системы делопроизводства.

² Валк С. Н. Советская археография. М.—Л., 1948, с. 3.

³ В советской археографической литературе в одном и том же значении употребляются два термина: публикация документов и издание до-

ной деятельности было приступлено в странах Западной Европы в XVIII в. Объектом издания тогда были преимущественно акты периода раннего феодализма. Поскольку эти документы хранились во множестве монастырских и частных архивов, трудно доступных для историка не только вследствие условий допуска к ним, но и вследствие неразобранности самих материалов, издание их оказывалось единственным способом сделать эти документы доступными для всех, кого они интересовали, а иногда, кроме того, и способом «сохранить» их в случае гибели оригиналов. Эта задача представлялась хотя и сложной, но разрешимой вследствие сравнительно ограниченного количества документов. В последующем, и особенно в наше время, когда объектом публикации стали документы позднейшего времени — XIX—XX вв., условия публикационной деятельности существенно изменились. Но прежде чем рассмотреть эти изменения, необходимо разобратся в полезных для историка-исследователя свойствах публикаций вообще или, что по сути дела то же самое, в существе самой идеи издания документов.

Как это ни покажется странным, конкретно назначение публикации документов и в особенности ее значение для исторической науки в отечественной литературе никогда специально не рассматривались, хотя отдельные замечания на этот счет высказывались. Между тем понятно, что ясное осознание назначения издания документов совершенно необходимо для суждений о его направлении (какие именно документы предпочтительно подлежат изданию) и о его методах. В действующих ныне «Правилах издания исторических документов в СССР», где, казалось бы, следовало искать конкретное разъяснение целей публикаций, мы находим лишь утверждение, что «издания научного типа предназначаются для научных исследований».⁴ Обычным бывает разъяснение, что публикация документов заменяет для исследователя их оригиналы и в этом отношении избавляет его от обращения в архив. Конечно, обращение исследователя в архив остается все же необходимым (или по крайней мере желательным) и для каких-то уточнений, касающихся опубликованных документов, и главное — в поисках дополнительных источников. Но имеется в виду очень важное в методическом отношении обстоятельство —

кументов. Последний более точен и поэтому предпочитается действующими «Правилами издания исторических документов в СССР» (хотя в тексте правил употребляется и термин «публикация»). Под публикацией же можно подразумевать как напечатание (т. е. издание) документов, так и другие формы их обнародования (например, по радио, в телепередачах и т. п.). В данной статье мы будем рассматривать ряд вопросов собственно издания документов, но будем использовать как синонимы оба термина.

⁴ Правила издания исторических документов в СССР. М., 1969, с. 6. — Нет такого разъяснения и в статье «Археография» в Советской исторической энциклопедии и в учебном пособии М. С. Селезнева «Теория и методика советской археологии» (М., 1974).

возможность для исследователя *изучать* содержание документов по публикации. (Именно в этом смысле мы и будем употреблять далее слова «заменяет», «избавляет» и «освобождает»). Однако объяснение целей издания документа указанием на то, что издание избавляет исследователя от обращения в архив, не является ни конкретным, ни полным и возбуждает другой вопрос: чем полезна такая замена и как она достигается?

С учетом мнений, высказанных в печати, можно охарактеризовать полезные свойства изданий документов в следующих пяти пунктах.

Прежде всего это большая доступность изданных документов по сравнению с их оригиналами. Изданием документов тиражом в несколько сотен или даже тысяч экземпляров обеспечивается то, что эти экземпляры оказывается возможным видеть в библиотеке любого крупного города, что избавляет историка от необходимости тратить время и средства на поездку в города, где хранятся оригиналы документов.

Еще не так давно лишь издание давало в руки исследователю тексты интересующих его документов без обращения к их архивным оригиналам. Теперь это свойство не принадлежит исключительно изданиям документов. С развитием технических средств копирования документов (особенно микрофотокопирования и электрографического способа) публикация исторических источников стала возможна и действительно осуществляется и не в типографской форме.

Затем, важнейшее значение для историка имеет то, что в публикации он получает совокупность уже выявленных документов (в виде текстов документов и примечаний, отсылающих к архивным оригиналам). Тем самым он освобождается от труда по их розыску. Конечно, сохраняется необходимость розыска самих публикаций, но эта задача решается гораздо проще. Эта экономия труда исследователя весьма значительна, поскольку документы могут храниться не только в громадной массе других в пределах одного архива, но также и в нескольких (иногда многих) других архивохранилищах. Так, например, при подготовке первых двух частей сборника документов об экономическом положении России накануне Октябрьской революции были использованы материалы 63 фондов семи государственных архивов, а обследовано — еще более.⁵ Существенно и то, что выявление документов для публикации обычно проводится с участием архивистов и историков, особенно хорошо осведомленных о составе архивных фондов, специфике их организации и о наличии справочного аппарата к ним. Вследствие этого выявление это может быть более полным, чем то, которое в силах провести сам историк-исследователь. Не исключено, что им впоследствии будут обнаружены и какие-то

⁵ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Март—октябрь 1917 г. М.—Л., 1957.

дополнительные к публикации документы. Но публикация не даст ему пройти мимо документов, которые при самостоятельном выявлении могли остаться вне поля его внимания. Само обращение исследователя в архив существенно облегчается наличием публикации: в ней названы основные фонды, сообщаются фактические данные, которые могут способствовать дополнительным поискам в архиве, и т. п.

В-третьих, издание документов обладает уникальной возможностью сделать их удобно обозримыми в сводном виде для обращающегося к ним исследователя, что весьма существенно облегчает его работу. Под обозримостью мы имеем в виду и воспроизведение текста посредством типографского шрифта (легче читаемого и более компактного, чем рукописный или машинописный тексты), и расположение документов в системе, и объединение этого текста в удобный том (с правильным размещением текста, легко раскрываемый в нужном месте и т. п.), снабженный нередко указателями (и уж во всяком случае перечнем публикуемых документов и оглавлением). Обозримости публикации важное значение придавал С. Н. Валк. Так, он считал существенным вопрос о формате публикаций, полагая, что исследователю-историку тем удобнее, чем большая часть текста размещена на странице и сразу доступна его взору.⁶ Обозримостью публикуемых документов по теме создаются условия для их первоначального сопоставления и совокупного рассмотрения. Известно, что это — тот этап работы, когда создается впечатление об общей картине изучаемого явления и обнаруживаются связи между элементами этого явления.

В-четвертых, публикация в большинстве случаев избавляет читателя-историка от трудоемкой работы по транскрипции текста оригиналов (его прочтения, научного перевода, расшифровки). Это имеет особенно важное значение при обращении к средневековым текстам. Известный специалист по истории средневековой Франции А. Д. Люблинская отмечала, что «транскрипция рукописей» изучаемой ею эпохи «отнимает львиную долю времени и сил и доступна лишь лицам, обладающим палеографическими навыками».⁷ Но и для периода XIX—начала XX в. транскрипционные трудности также иногда имеют место, например при прочтении коммерческой корреспонденции руководителей одного из действовавших в России банков на немецком языке готическим шрифтом, при прочтении черновиков, некоторых резолюций, расшифровке протокольных записей и в других случаях.

Наконец, в-пятых, публикация документов обычно сопровождается их источниковедческой обработкой (в большей или

⁶ Валк С. Н. Советская археография, с. 116.

⁷ Люблинская А. Д. О новых зарубежных приемах публикации средневековых документов. — Вспомогат. истор. дисциплины, I. Л., 1963, с. 278.

меньшей мере). Прежде всего документы атрибутируются: устанавливаются время и место их составления, их авторы и адресаты, разновидность, их делопроизводственная функция (или, как не точно говорят, «подлинность» документа) и т. п. Часто в комментариях дается их интерпретация.

Конечно, взятые в отдельности названные полезные свойства публикаций не только им присущи. Так, атрибуция документов иногда дается в архивных описях к ним, к трудночитаемым оригиналам могут прилагаться их расшифровки, материалы по наиболее важным темам обычно получают отражение в систематических каталогах архивов. Однако взятые вместе в наиболее полном проявлении указанные свойства присущи только публикациям. Эти свойства в совокупности и определяют общую полезность изданий документов для историка.

Естественно, что полезность публикации для историка-исследователя тем больше, чем более совпадают темы публикации и исследования. В случае таких совпадений (полных или частичных) исследователь получает возможность немедленно приступить к изучению источников, т. е. собственно к исследованию. Решение некоторых исследовательских задач широкого плана вообще невозможно без предварительной подготовки публикаций. Так, например, изучение экономического положения России накануне Октябрьской революции было бы невысказимо без выпущенного в 1957 г. и уже упомянутого нами сборника документов и материалов. Но обычно случаи таких совпадений довольно редки. И если бы значение издания документов сводилось только к ним, общая полезность публикаций была бы не так велика. В действительности же публикации гораздо чаще оказываются полезными при работе исследователей над проблемами, лишь частные сюжеты которых касаются тем этих публикаций. Эти исследователи обращаются к публикациям за несколькими документами, которые, не будь публикации, пришлось бы искать в архиве. Например, при работе над историей экономического развития того или иного региона оказываются необходимыми документы по истории монополий или о революционных выступлениях рабочих в губерниях, входящих в изучаемый регион. Конечно, такого рода полезность публикаций имеет очень важное научное значение, поскольку в случае отсутствия публикации обнаружение частных для главной темы исследования документов было бы затруднительно для историка, не являющегося специалистом в данном вопросе. Возможно, наконец, что у него вообще «не дошли бы руки» до их специальных поисков.

Важно отметить, что, как известно, и в том и в другом случаях опубликованный документ используется неоднократно. Он может изучаться не только в свете разных концепций одной темы, но и в разной связи со многими другими темами. Известно также, что некоторые сложные по содержанию документы разными исследователями интерпретируются по-разному. Иногда

смысл документа раскрывается вполне лишь в свете других документов, изданных или просто обнаруженных позже.

Несомненно велико значение публикации как своеобразной самостоятельной формы общесторического исследования (о чем подробнее мы еще будем говорить) для простого ознакомления историка с сюжетом, которым он непосредственно не занимается, но который важен для него в связи с работой над смежной темой. Вследствие присущих публикации свойств она может стимулировать исторические исследования в данной области, раскрывая богатства источников и облегчая работу с ними. А. Д. Люблинская обращала внимание на то, что издания документов играют и важную контрольную роль, давая возможность читателю исторических исследований, основанных на этих документах, проверить правильность их использования.⁸

Отмеченные полезные свойства публикаций документов и открываемые ими возможности имеют особенно большое значение в нашей стране, в условиях планового развития науки, в частности исторической. Мы имеем в виду прежде всего возможность с помощью публикаций направлять и стимулировать исторические исследования, содействовать повышению уровня этих исследований (как расширением источниковой базы, так и использованием контрольной функции публикаций) и, наконец, более экономно (в общем счете) организовать развитие исторической науки.

Обычно издания документов вызывают у историков сомнения в полноте охвата ими возможного корпуса источников. Эти сомнения нам представляются неизбежными, но основательными лишь отчасти. Конечно, чем полнее издание, тем более оно отвечает потребностям исторического исследования. Но состав публикации может быть заранее ограничен составителями. Несомненно, при этом необходимо пояснение, как понималась ими тема издания (из каких частных вопросов она складывается), какой круг материалов ими обследован и какими принципами они руководствовались при отборе документов для издания. Точность в соблюдении принятых составителями для руководства принципов, конечно, обязательна и лежит на их ответственности, аналогично тому как отвечает за свою работу автор любого исторического исследования. Названные пояснения должны ориентировать читателя-исследователя в полноте публикации и дать ему возможность определить направления собственных дополнительных архивных разысканий. Последние неизбежны и для уточнения представления исследователя о наиболее важных из опубликованных документов. Это может быть полезно и для проверки правильности публикации. Исследователь может располагать лучшими возможностями для прочтения оригиналов, хотя бы в связи с общим развитием знаний и технических устройств для чтения текстов. Но столь же важно обращение в архив для пополнения кор-

⁸ Там же, с. 277.

пуса источников. Оно возможно, в частности, вследствие уточнения систематизации и улучшения описания материалов в архиве. Чаще, однако, необходимость обращения в архив бывает вызвана тем, что тема исследования не вполне совпадает с темой публикации.

К сожалению, изучение практики использования изданий документов в исторических исследованиях затруднительно. Причин этому две. Во-первых, существование порочной практики ссылок на архив (т. е. на архивные оригиналы), когда документы использовались по публикациям. Во-вторых, изучение практики использования изданий документов в исторических исследованиях не может быть полным потому, что во многих случаях издания используются, так сказать, негативно, т. е. они изучаются, принимаются в целом во внимание, но ни один из опубликованных документов в исследовании не рассматривается, а потому нет и ссылок на публикацию.

Во многих случаях публикации документов и объективно, и по замыслу их составителей представляют собой не только собрание источников, предназначенное для последующей работы историка-исследователя, но и особую самостоятельную форму исследования, исследования в документах. Документы повествовательного характера открывают для этого хорошие возможности. За документальными исследованиями обычно признается особая доказательность, что, конечно, верно, если исторические события освещаются всесторонне. Несомненно, что издания, не просто включающие важные источники по теме, но и рисующие более или менее полную картину прошлого, особенно полезны для историка-исследователя. Но нередко они интересны и для широкого читателя, интересующегося историей и особенно «документальной историей».⁹ «Правилами издания исторических документов в СССР» предусматривается даже особый вид научно-популярных публикаций, ориентированных прежде всего на этого широкого читателя.

Возникновение и распространение практики издания документов предопределено объективными условиями развития исторической науки и работы самих историков. Мы еще рассмотрим главные из этих условий, а здесь отметим, что археографическая практика есть естественная функциональная дифференциация работы историков, подобная выделению и обособлению, скажем, источниковедения. Так же как на особой теоретической основе возникли специально источниковедческие исследования конкретного характера, т. е. всесторонне источниковедчески исследующие какой-то документ или комплекс документов с целью облегчить его использование историками-исследователями по разным направлениям, равно как и источниковедческая специализация

⁹ Валк С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем. — Археограф. ежегодник за 1968 год. М., 1970, с. 47.

историков, так же в исторической науке получило развитие особое направление археографической работы — издание документов на основе специально выработанных теорий и правил. И в научном, и в экономическом планах целесообразно, чтобы выявление и первоначальная археографическая обработка документов проводились не в каждом отдельном случае обращения к ним исследователя, а однажды и специально. При этом может быть достигнут и более высокий научный уровень выявления и археографической обработки документов, поскольку изучение источника будет всесторонним и углубленным, в большинстве случаев проведенным, как отмечалось, квалифицированными специалистами в области археографии, а во многих случаях — коллективом таких специалистов. Следует заметить, что археографическая практика требует не только большого труда, но и специальной подготовки лиц, имеющих к ней отношение. Вместе с тем среди историков и среди архивистов выделилась категория специалистов, по своим интересам и уровню подготовки более склонных к археографической деятельности.

За 18 лет — с 1961 по 1978 г. — архивными учреждениями СССР было издано больше сборников документов, чем за предыдущие 40 лет. В последний период ежегодно издавалось в среднем 47 сборников документов объемом около 666 печатных листов.¹⁰ И все же размах публикационной работы еще не отвечает потребностям исторической науки. Издание документов лимитируется главным образом типографскими возможностями. Типографские трудности вызвали ограничение издательского лимита исторических учреждений, вследствие чего издания документов — по природе своей весьма объемные — оказались при включении в издательские планы в невыгодных для них условиях конкуренции с монографическими исследованиями.

Отрицательно сказывается в деле издания документов и отсутствие специального периодического органа, где могли бы оперативно печататься отдельные, вновь обнаруживаемые, важные в научном отношении документы и небольшие их подборки. В результате со времени обнаружения таких документов до выхода монографий, где они могут быть использованы (введены в научный оборот), проходит 7—8 лет.

В какой же мере все сказанное относительно полезных для историка-исследователя свойств публикаций (вообще), являющихся основаниями самой идеи публикации, приложимо к публикационной деятельности в наши дни и особенно к публикациям

¹⁰ Миронова К. К., Панин Л. И. Некоторые итоги и перспективы публикационной работы архивных учреждений СССР. — Советские архивы, 1976, № 3, с. 9. — По неопубликованным данным тех же авторов, в 1976—1978 гг. было издано более 150 сборников документов, тиражом 5,5 млн. экз.

документов XIX—XX вв.? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо принять во внимание как некоторые особенности документов указанного периода, так и происшедшие в последние десятилетия существенные изменения в организации архивного дела, а также изменения в условиях развития исторической науки и работы историков-исследователей. (Эти изменения присущи многим странам мира, но мы будем рассматривать их лишь применительно к нашей стране).

В начале XIX в. в России на смену коллежской системе государственных учреждений приходит министерская. Не рассматривая подробно это событие, отметим лишь, что с ним были связаны существенные изменения в процессе документообразования.

Во-первых, значительно возросла (и со временем все более) численность документов. Объем образовавшихся и сохранившихся материалов XIX—начала XX в. в десятки раз превышает объем материалов предшествующих веков. Возрастание численности документов определялось несколькими обстоятельствами. Прежде всего — более широкой фиксацией в документах явлений все усложняющейся жизни человеческого общества. При этом большинство документов дробно по содержанию: они фиксируют отдельные стадии и стороны отражаемых явлений. Рассмотрение каждого сравнительно частного вопроса (не говоря уже о сложных) обростало огромным количеством документов, причем не только в делопроизводстве одного главного учреждения (к компетенции которого вопрос относился), но и ряда других, принимавших лишь участие в рассмотрении этого вопроса. Содержание таких документов раскрывается вполне лишь при сопоставлении со многими другими. Вместе с тем эти документы довольно пространны и часто содержат много текста, не содержащего существенно полезной информации. Документы министерского периода относительно полно сохранились, хотя, конечно, очень многие из них не дошли до нас по разным причинам. Правда, в ряде случаев существуют возможности восполнения утраченных документов за счет других. Так, недостающие документы могут быть восполнены их дублетами или иными делопроизводственными вариантами, хранящимися в так называемых корреспондирующих фондах; содержание инициативных документов часто довольно подробно излагалось в ответных документах.

Наряду с дробностью содержания большинства документов XIX—начала XX в. некоторым их видам присуща поразительная обстоятельность. Особенно выделяются в этом отношении такие важные для историка документы, как представления (или, как они иногда назывались, записки) министерств в высшие органы власти. Их объем нередко достигал нескольких десятков (а иногда и сотен) страниц убористого текста. В особых разделах обычно излагалась вся предыстория вопроса и давались ссылки на действующее законодательство, относящееся к делу. Самостоятельный интерес во многих случаях имеют мотивировка поста-

новки данного вопроса и анализ практики применения действовавших законов.

Второй особенностью документов XIX—начала XX в. является сравнительно хорошее их оформление. Прочтение их не вызывает в большинстве случаев никаких затруднений, поскольку чистовые их экземпляры, как правило, переписаны писарским почерком, а с 1890-х годов — на пишущей машинке. Многие документы, необходимые в большом числе экземпляров, а также более важные, до появления машинописи печатались типографским способом. Ничем другим эти документы не отличались от прочих — нетипографских. Но в других случаях документы отчетного характера, материалы разного рода комиссий и некоторые иные печатались со всеми атрибутами изданий и как таковые иногда отсутствуют среди архивных материалов, а хранятся в библиотеках. Трудности с прочтением возникают лишь при обращении к сравнительно малочисленным черновым экземплярам, сокращенным записям (например, прений), текстам коммерческого содержания на иностранных языках (трудно переводимых адекватно), бухгалтерским документам. Содержание документов излагается четким канцелярским (официально деловым) языком. Документы делятся на виды в соответствии с их характером (назначением, содержанием и официальным положением подписавших их лиц); каждый из видов имеет установленную для него по закону форму. Как правило, документы не вызывают затруднений и с их атрибуцией.

Третьей важной особенностью этих документов (точнее говоря, особенностью принятой системы делопроизводства, отразившейся отчасти и на документах) является объединение их в дела — тематические (реже — видовые) комплексы. Сосредоточение всех относящихся к одному вопросу документов в составе дела существенно облегчает их изучение.

Наконец, четвертая особенность документов XIX—начала XX в. состоит в том, что вследствие крайней централизации государственного управления в России основная часть более важных в научном отношении материалов отложилась в архивах центральных учреждений и соответственно хранится ныне в центральных же государственных архивохранилищах.

Отметим, однако, что указанные общие особенности документов XIX—начала XX в. не обязательно вполне присущи всем их группам.

Что касается современной нам организации архивного дела, то она коренным образом отличается от той, которая существовала до Октябрьской революции, а тем более от организации архивного дела в XVIII в., когда было положено начало изданию документов. Архивные материалы централизованы и распределены по хранилищам в определенной системе. Единообразно организовано хранение материалов в каждом из архивов. В основу советского

архивного дела положен так называемый провениенцпринцип, в соответствии с которым материалы каждого учреждения хранятся в том же порядке, как они образовались (т. е. с учетом принципа историзма). Архивы распахнули свои двери перед исследователями, и практически доступ в них свободен для всякого, желающего посвятить себя серьезным историческим занятиям. Впрочем, существенные трудности в посещении архивов сохранились для значительной по числу группы иногородних историков. Следует иметь в виду также, что многие документы по истории нашей страны хранятся в зарубежных архивах и недоступны для большинства советских исследователей.

Все материалы архивов приведены в порядок. Создана однородная для всех архивов система справочного аппарата к хранящимся документам. В результате розыск необходимых документов может осуществляться по общим для всех архивов и не слишком сложным эвристическим правилам. Усовершенствовались технические оснащение архивов. Отметим в особенности развитие техники копирования документов, сделавшее возможным в принципе моментальное факсимильное копирование архивных документов прямо на месте их использования.

Суммируя сказанное, мы должны прийти к заключению, что для квалифицированного исследователя теоретически доступны все хранящиеся в архивах источники. Правда, поиск их возможен главным образом на основе знания истории государственных учреждений (и фондообразователей вообще), особенностей делопроизводства и даже истории архивов. Тематический справочный аппарат — главным образом каталоги — обычно не охватывает всех материалов архивов, а лишь небольшую часть их. Между тем ясно, что далеко не всегда исследователь заранее точно знает, какие именно документы он ищет, а чаще ему полезны не только те, которые он ищет, но и другие материалы. В таких случаях правильно построенные разыскания оказываются невозможны и исследователь вынужден искать необходимые ему документы путем сплошного их перебора (просмотра). Но и в лучшем случае (тогда, когда исследователь ищет определенные документы) справочный аппарат архивов не вполне может его устроить. Этому аппарату присущ тот серьезный недостаток, что им можно пользоваться лишь в стенах архива (издание путеводителей по архивам не меняет дела, поскольку эти справочники дают слишком общие и во многом случайные сведения о материалах). Чтобы выяснить, имеются ли в архиве интересующие исследователя документы, он должен посетить архив, поработать там. Это неудобно для исследователя не только тем, что в каких-то случаях он лишь установит отсутствие в архиве нужных ему материалов, но и тем (главное), что исследователь начинает работу в архиве без твердого ориентира, без возможности заранее подготовиться к этой работе. К тому же справочный аппарат каждого архива ограничен только его рамками и не «сводит» материалы по одной

теме, хранящиеся в разных архивохранилищах, что было бы очень важно для историка-исследователя.

Наиболее же важный недостаток существующей системы справочного аппарата в архивах заключается в том, что эта система, в основе которой лежит исторический принцип, не обеспечивает его полного и неукоснительного применения. Целостность и структура многих фондов оказались нарушенными. В самом делопроизводстве не была исключена возможность ошибок и при формировании дел, и при их описании, в результате чего место хранения некоторых материалов среди других случайно и многие документы или содержащиеся в них сведения по разным причинам не получили отражения в заголовках дел. К тому же справочный аппарат часто несовершенен по техническому его исполнению. В видимой перспективе (на 10—20 лет) намечается совершенствование (развитие) этой же системы научно-справочного аппарата архивов без каких-либо коренных ее изменений.

Все это приводит к тому, что целенаправленный и строго обусловленный принципами построения справочного аппарата поиск документов оказывается не всегда возможным вследствие отмеченных выше разнообразных обстоятельств. Не всегда он реализуется и по субъективным причинам — вследствие неопытности обращающихся в архивы лиц. Но даже квалифицированному исследователю трудно постоянно иметь в виду всю совокупность обстоятельств, которые могли вызвать отклонения от норм проведения принципа и сбои в функционировании ныне существующей системы научно-справочного аппарата к архивным материалам. В результате «правильный», т. е. соответствующий рекомендациям архивной эвристики, поиск необходимых исследователю документов подменяется просмотром архивных справочных пособий, а иногда и самих документов (дел) сплошь, а успех этого поиска во многом зависит от случая.

Нельзя не заметить, что все отклонения от «правильного» поиска, ведущие к излишнему просмотру многих дел, затрудняют как самого исследователя, так и архив, который должен готовить и выдавать эти дела.

В связи с интересующей нас проблемой важно отметить существенные трудности для исследователей, работающих в архивах, связанные с копированием документов по изучаемой теме. Известно, что подготовка почти каждого исторического исследования требует сопоставления и анализа всего круга выявленных источников по теме. При этом основная часть работы обычно проводится вне архива, что можно осуществить лишь при наличии копий всех документов или выписок из них. Первые, конечно, предпочтительнее, поскольку и более полно, и более точно отражают содержание документов. Между тем архивы не всегда учитывают все эти (в общем-то известные) обстоятельства, и не всегда условия копирования документов благоприятны.

Остается отметить, что существеннейшим образом изменились условия развития исторической науки в целом и работы отдельных исследователей. Значительно возросло количество исторических исследований, расширился их диапазон как хронологически, так и тематически, возросли требования к полноте их источниковой базы (в связи с чем работа в архиве стала рассматриваться как обязательный элемент труда историка) и теоретической глубине. Возросло соответственно и число лиц, занимающихся историческими исследованиями и обращающихся к архивным документам. Многие из них не являются профессиональными историками-исследователями и даже историками вообще.

Суммируя сказанное, мы должны констатировать, что, несмотря на благоприятные в целом для историка-исследователя условия работы в архивах над документами XIX—начала XX в., работа эта остается все еще крайне сложной, требующей не только высокой квалификации, но и огромного труда и времени. Поэтому и сегодня мы должны признать сохраняющуюся справедливость по отношению к документам XIX—начала XX в. высказанного С. Н. Валком убеждения, что издание исторических источников есть необходимое условие того, чтобы эти источники сделались «доступными широкому кругу историков».¹¹

Важнейшим общим следствием всех трех рассмотренных нами явлений стало значительное расширение круга источников, привлекаемых к изучению. Наши наблюдения приводят к убеждению, что в целом указанный процесс сопровождался снижением числа случаев обращения исследователей к одним и тем же источникам. Это было связано прежде всего с расширением тематики исследований (с учетом локальной и хронологической их привязки).

На издание исторических документов те же явления повлияли сложным образом. Коротко говоря, степень полезности издания документов XIX—начала XX в. меньше, чем таковая для документов предшествующего времени. Значение издания документов XIX—начала XX в. заключается преимущественно в облегчении труда исследователей по их выявлению и в достижении условий их наилучшей обзорности. Анализ современной организации архивного дела склоняет нас к признанию того, что сколько-нибудь массовое (по сравнению со всем объемом сохранившихся источников) издание документов XIX—начала XX в. не необходимо. Оно и просто невозможно вследствие обилия этих документов. Следует, однако, четко оговорить, что в частных случаях — по отдельным темам истории XIX—начала XX в. и применительно к отдельным группам источников — ситуация может быть иной. А вопрос об издании источников должен рассматриваться в большинстве случаев именно в конкретном плане. Что же касается основной массы документов, то отсутствие публикации их текстов должно быть хотя бы отчасти компенсировано другим способом,

¹¹ Валк С. Н. Советская археография, с. 3. (Курсив наш. — Л. Ш.).

а именно изданием регестов. С. Н. Валк писал, что «новые задания, новые темы, новые приемы исследования — все это в совокупности потребовало неимоверно большего расширения круга привлекаемых к изучению источников. Но чем шире становился круг этих источников, тем затруднительнее оказывалось не только издание всей массы в их полном виде, но даже само ознакомление с ней для каждого отдельного исследователя. Регесты... и явились одним из возможных приемов преодоления трудностей, созданных обратной стороной научных успехов исторической науки».¹² Однако прежде чем обратиться к проблеме регестов, необходимо хотя бы кратко рассмотреть вопрос об опыте и перспективах издания документов XIX—начала XX в.

К сожалению, полной систематической библиографии публикаций документов XIX—начала XX в. до сих пор не существует. Но даже неполные данные позволяют заключить, что издано несколько десятков тысяч документов. Но эта же величина совершенно ничтожна по сравнению с общим объемом сохранившихся документов этого периода. Изданные источники, несомненно, ценнейшие. Преимущественно это документы по истории революционного движения в России, общественной мысли, экономики, внешней политики. Наряду с крупными публикациями (сборниками и сериями сборников документов) до 1960-х годов были распространены мелкие, включающие всего один или несколько документов, обычно особо важных, представлявших самостоятельный научный интерес. Печатались они в журналах или особых сборниках, состоявших из отдельных подборок документов по разным темам. Публикация в периодических изданиях обеспечивала довольно быстрое появление этих документов и введение их в научный оборот. Опыт издания документов XIX—начала XX в. убеждает в том, что два обстоятельства осложняют это дело.

Первое из них — значительные объемы, которые получает едва ли не всякая более или менее полная по охвату источников публикация почти на любую, сравнительно широкую тему (при том, что часть текста документов не будет содержать полезной информации). Можно сказать, что вообще для того, чтобы публикация стала интересной в научном отношении, она в большинстве случаев должна включать довольно много документов. Естественно, что при относительно малых тиражах документальных изданий значительный объем публикаций вызывает трудности издательского порядка.

Второе осложняющее обстоятельство состоит в том, что многие важные документы XIX—начала XX в. либо были изданы (законодательные материалы, документы отчетного характера, материалы разного рода комиссий и др.), либо в процессе делопроизводства были напечатаны типографским способом во многих экземплярах (хотя изданиями в точном смысле этого слова не яв-

¹² Там же.

ляются). Включение их в публикацию рассматривается как непозволительное излишество, а исключение их из издания, естественно, обедняет последнее.

С учетом как отмеченных нами разнообразных общих условий и обстоятельств издания документов XIX—начала XX в., так и ситуации, присущей разработке отдельных тематических направлений истории указанного периода (а также характера отдельных групп источников), необходимость издания документов по конкретным темам должна в конечном счете определяться специалистами в каждой из тем в отдельности. Вместе с тем, помимо интересов отдельных направлений, существуют и некоторые общие для них интересы. Не претендуя на их полный учет, отметим лишь желательность выделить из общей массы документов и сделать легко доступными для любого историка, т. е. издать, сравнительно немногие важнейшие документы по темам, имеющим для советской историографии более широкое, узловое значение. По существу, советская археография уже вступила на этот путь. С учетом того, что уже сделано (в частности, с учетом издания серий сборников по истории революционного движения), сейчас указанной выше цели более всего отвечало бы планомерное издание документов о внутренней политике самодержавия. Это может быть сделано публикацией материалов Государственного совета, Комитета и Совета министров и некоторых других органов правительства. Заслуживает внимания продолжение издания документов об экономическом положении России в разные периоды ее развития — во время Крымской войны и в годы первой революционной ситуации, в годы второй революционной ситуации, накануне революции 1905—1907 гг. и др. Крайне желательна также публикация документов общего характера, так сказать, министерского уровня: докладов министров царю, отчетов о деятельности министерств за ряд лет и т. п. В этой связи необходимо снова отметить, что для скорой публикации отдельных, особо важных в научном отношении документов, обнаруживаемых обычно более или менее случайно исследователями в ходе их работы в архивах, крайне желательна организация специального периодического издания.

Вопрос о регестах — их возможностях и перспективах применения — в 1950—1960-х годах стал предметом дискуссии среди археографов и историков. Под регестами понималось сокращенное «изложение содержания документа самим археографом» с возможным цитированием отдельных мест его текста. Страницы регестов считали их одной из наиболее полезных форм сокращенной публикации документов,¹³ хорошо соответствующей

¹³ Другой формой сокращенной публикации документов признается их издание в виде таблиц. Естественно, что такому табличному изданию

условиям обилия документов XIX—XX в. Противники с порога, так сказать, отвергали возможность применения регестов в советской археографической практике, ссылаясь на то, что они дают неполное, а иногда и фальсифицированное представление о документах.¹⁴

Как показал С. Н. Валк, участники дискуссии по-разному понимали, что такое регесты.¹⁵ Спор шел о принятии или непринятии самой идеи регестов, без попытки применить эту идею к каким-либо конкретным темам или группам источников.

В ходе дискуссии, однако, не был поставлен решающий, как нам представляется, вопрос о сущности регестов и о их тождестве (или не тождестве) традиционным публикациям. Ответ на этот вопрос не может быть получен без обращения к истории регестов и выяснения суждений о них лиц, причастных к их подготовке и изданию. Приведенный С. Н. Валком в статье «Регесты в их прошлом и настоящем» материал по их истории на Западе и в России с XVIII в. и до наших дней убеждает, что регесты мыслились составителями и являлись в действительности справочниками о документах, опубликованных в разных изданиях или хранящихся в архивах. Лишь в отдельных случаях применительно к документам определенного рода (главным образом к документам актового характера с твердым формуляром) при изложении их содержания удавалось достичь такой степени полноты, когда регесты могли заменить публикацию текста документов целиком и сделать ненужным обращение к архивным оригиналам. Именно первой, главной функции регестов соответствует и сам этот термин: регест, т. е. реестр, перечень, каталог, указатель. Вполне правильно, по нашему мнению, разъясняется смысл термина «регесты» в «Советской исторической энциклопедии» (1968 г.): «Регесты (от лат. *regesta* — списки, перечень) — систематизированные описи документов, преимущественно средневековых (обычно в хронологическом порядке...). В регестах кратко раскрывается основное содержание документов, иногда

поддаются лишь документы цифрового характера и такие, однородный формуляр которых допускает расчленение их текста и перекомпоновку его в табличную форму. Ввиду специфичности и сравнительно узкой применимости этого способа публикации мы его здесь не рассматриваем.

¹⁴ С. Н. Валк писал позднее, что дискуссия обнаружила «наличие... отрицательного, подчас даже весьма резко выраженного, отношения к употреблению регест» (Валк С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем, с. 41).

¹⁵ Приведенное выше, по нашему мнению наиболее правильное, пояснение сущности регестов принадлежит Д. А. Чугаеву (1962 г.). И. И. Корнева (1957 г.) видела сущность регестов в «пересказе, частичном изложении содержания» документов. А. И. Логинова (1959 г.) и И. И. Носова (1964 г.) считали регесты «способом сокращенной передачи текста» и «приемом передачи текста». В. А. Кондратьев (1959 г.) полагал, что регесты отличаются от перечней документов наличием «выдержек» из текстов документов. (См.: Валк С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем, с. 39—42).

цитируются отдельные части текста».¹⁶ В приведенном определении заслуживает внимания указание на то, что регесты раскрывают содержание документа лишь в основной части и не обязательно включают цитирование. Отсутствует здесь и причисление регестов к разряду изданий документов. Но в «Кратком словаре архивной терминологии», изданном в том же 1968 г., регесты определяются как «*архивные справочники или публикации...*, содержащие краткое изложение содержания документов и извлечения из них».¹⁷

В «Правилах издания документов XVI—XVII вв.» (1936 г.) в разделе, посвященном «сокращенной передаче текстов», предусматривалась возможность подготовки двух видов регестов — кратких («заголовок документов с расширенной тематической его частью») и пространных. Ясно, что краткие регесты никакого отношения к сокращенной или иной «передаче *текста*» отношения не имеют. Что же касается пространных регестов, то применительно к ним предусматривалось «более детальное изложение основных клаузул документов в порядке их следования, с приведением из них наиболее характерных цитат».¹⁸

В «Основных правилах публикации документов Государственного архивного фонда Союза ССР», изданных в 1945 г., и «Правилах издания исторических документов» 1955 г. возможность издания регестов вообще не предусматривалась.

Составители ныне действующих «Правил издания исторических документов в СССР»¹⁹ заняли по отношению к регестам противоречивую позицию. В правилах регестам посвящено всего несколько параграфов в разделе IV, озаглавленном «Сокращенная передача *содержания* документов». Формулировка названия этого раздела противостоит формулировке одного из параграфов (вне этого раздела, § 109), который посвящен «передаче *текста* в извлечении». Таким образом, хотя составители «Правил издания...» включили в них вопрос о регестах, они же поставили под сомнение, что регесты представляют собой форму публикации *текста* документов. В то же время регесты в их ином качестве никак не квалифицированы. Назначение регестов определяется в § 115 следующим образом: «Сокращенная передача содержания документов (в форме таблиц и регестов) преследует цели введения в научный оборот (?) максимально (?) широкого круга (?) новых исторических источников и сокращение объема издания». Не будем останавливаться на отмеченных нами знаком вопроса не вполне точных выражениях этого параграфа и укажем далее, что регесты трактуются как «изложение содержа-

¹⁶ Советская историческая энциклопедия, т. 11, с. 984.

¹⁷ Краткий словарь архивной терминологии. М.—Л., 1968, с. 43.

¹⁸ Правила издания документов XVI—XVII вв. — Проблемы источниковедения, т. II. Л., 1936, с. 321—322 (§ 44—46).

¹⁹ Правила издания исторических документов в СССР. М., 1969.

ния документа с сохранением по возможности его формы». Такое понимание специфики регестов, но не всяких, а только пространственных, нам представляется правильным. Что же понимается под «сохранением... его формы» (документа?), с уверенностью заключить нельзя.

Обратимся к § 123, трактующему о видах регестов. Вот текст его главной (начальной) части: «В зависимости от содержания и значения документов регесты могут быть краткими и пространственными. В кратких регестах передается основное содержание документа. Пространственные регесты излагают содержание документа возможно полно с цитированием важнейшей части его текста». Здесь многое неясно. Поскольку в первой фразе речь идет только о «содержании и значении» документов и не упоминается о теме издания и его назначении, а слово «документ» дано в единственном числе, можно понять так, что краткая или пространственная вариация регестов (регестового описания документов) может использоваться и в пределах одного издания и применяться «в зависимости от содержания и значения» каждого следующего учебного издания (регестируемого документа). Это идея, заслуживающая внимания. Слова «передается» и «излагают» понимаются, вероятно, как синонимы. Что такое «основное содержание», остается, конечно, не вполне ясным. А указание, что пространственные регесты должны излагать содержание документа «возможно полно», наводит на мысль, не лучше ли в таком случае воспроизвести сам текст документа целиком. Конец той же фразы указывает вроде бы на обязательность цитирования текста документов, с чем мы не можем согласиться. Неясным остается и то, отличается ли по форме изложение содержания в кратких регестах и пространственных и совпадает ли «передача основного содержания документов» в первых с его заголовком (в случае такого совпадения слово «передается» неточно; в ином случае получается, что Правила не предусматривают регестов, состоящих только из заголовков с легендами).

В том же 1969 г. один из составителей раздела о регестах в «Правилах издания исторических документов в СССР» Е. М. Тальман опубликовала статью «К вопросу о передаче содержания документов в форме регест и таблиц», в которой дала анализ советской археографической практики в этой области. По мнению автора, «регесты представляют собой изложение содержания документов, иногда в сочетании с цитатами». Далее дополнительно разъяснялось, что «регесты следует считать формой передачи содержания документов, но отнюдь не сокращенной передачей текста, не публикацией документов, так как регесты не документы». Между тем регесты рассматриваются Е. М. Тальман лишь как составная часть издания полных текстов документов: «Способствуя сокращению объема издания документов, регесты и таблицы в сочетании с полностью публикуемыми документами обеспечивают возможность обстоятельного освещения

темы». Заметим, что в статье автор не различает кратких и пространных разновидностей регестов.²⁰

К 1970 г. относится опубликование обстоятельной статьи С. Н. Валка «Регесты в их прошлом и настоящем». К сожалению, и «Правила издания исторических документов в СССР», и упоминавшаяся статья Е. М. Тальман появились, когда исследование С. Н. Валка уже было сдано в печать, потому их положения, касающиеся регестов, не подверглись в нем рассмотрению. С. Н. Валк различает регесты двух видов — пространные и краткие. Первые являются «одним из видов сокращенного издания документов» и как таковые могут «освободить» исследователя «от обращения к трудно доступному... подлиннику».²¹ При этом С. Н. Валк полагал, что цели публикации полных текстов документов и регестов, в том числе и самых пространных, разные.²² Краткие регесты, по мысли С. Н. Валка, «могут играть... чисто служебную роль, т. е., нисколько не заменяя подлинника, они могут быть составлены лишь в качестве руководителей к обнаружению этого подлинника (т. е. быть так называемым научно-справочным аппаратом)».²³ Итак, двум разновидностям регестов соответствуют две их функции, два назначения. В соответствии с этим С. Н. Валк различал состав пространных и кратких регестов. В первом случае «основной состав регест в своем построении вполне соответствует составу... полного издания документа», т. е. включает три элемента: заголовок, изложение содержания документа и легенду. Во втором случае он предусматривает возможность того, что «наиболее сжатый вид регест» по составу может совпадать с перечнем документов, включающим, как известно, лишь два элемента — заголовок и легенду.²⁴ Заголовок только обозначает содержание документа (точнее, поясняет, о чем в нем сообщается). В соответствии с этим краткие регесты лишь называют документы, относящиеся к определенной теме. Пространные регесты, помимо этой же цели, имеют и другую — ознакомить читателя с самим существом содержания документов посредством изложения его археографом в виде резюме,²⁵ которое в некоторых случаях может включать и выдержки (цитаты) из текста документа. Легенда сообщает о месте хранения документа, его делопроизводственной функции, способе воспроизведения и языке, а также о его изданиях (если он был издан целиком или частично).

Наконец, необходимо отметить, что проблема регестов была затронута на Тихомировских чтениях 1976 г. Здесь они снова

²⁰ Советские архивы, 1969, № 5, с. 96—97.

²¹ Валк С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем, с. 46, 47.

²² Там же, с. 42—43.

²³ Там же, с. 47.

²⁴ Там же, с. 44, 46.

²⁵ Этот удачный термин применительно к регестам предложен А. Д. Люблинской (О новых зарубежных приемах..., с. 283).

рассматривались лишь как одна из форм сокращенного издания массовых документов.²⁶ При этом сущность регестов определялась выступавшими недостаточно четко. А. И. Копанев указывал, что «этот прием позволяет подробно изложить источник с приведением цитат из него (пространные регесты) или передать документ очень кратко». Б. Г. Литвак определял регесты как «форму сокращенной передачи текста или содержания документа». Он же обратил внимание на то, «что регесты в современных условиях являются важнейшим средством формализации материала для математической обработки... массовых данных».²⁷

Мы имеем основание отметить не только различие взглядов на сущность регестов и возможности их применения, но и отсутствие (даже в нормативных документах) достаточно полных указаний о их составе.

С учетом всех указанных суждений о регестах мы полагаем ошибочным квалифицировать регесты в любом их виде (в кратком или пространным) как форму публикации. Правильным является квалифицировать их как разновидности справочников. И теоретически неверно, и практически невозможно в зависимости от степени подробности отражения в регестах содержания документов относить их то к справочникам, то к публикации (как это склонны были делать Д. А. Чугаев и С. Н. Валк и как это особенно отчетливо проявлено в «Кратком словаре архивной терминологии»). Грань между теми и другими в этом случае была бы трудноуловимой, тогда как различие между самым подробным регестом (изложением содержания документа) и публикацией текста документа очевидно.²⁸

Отнесение регестов не к публикациям, а к информационным справочникам-указателям, т. е. квалификация их как формы описания документов, — вопрос не только теоретический и тем более не терминологический. С его решением связано изменение требований к регестам как при их подготовке (и соответственно изменение методики их подготовки), так и при пользовании ими.

Вместе с тем квалификация регестов как разновидности справочных пособий снимает до сих пор высказывавшиеся возражения против них (против их применения в советской археографии). Для противников регестов причисление их к публикациям означает, что регесты могут и должны отвечать тем же требованиям, что и публикации, с чем они согласиться не могут (с чем действительно согласиться нельзя). Нам представляется, что ука-

²⁶ Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978, с. 225.

²⁷ Там же, с. 232.

²⁸ Вопрос о том, следует ли считать регесты-справочники предметом археографии, в литературе решается по-разному. В России «в прошлом многие отвечали на этот вопрос положительно», — отмечал С. Н. Валк (Валк С. Н. Правила издания источников новейшей истории (XVI—XX вв.). — Информационный бюллетень Главного архивного управления МВД СССР, № 7. М., 1958, с. 107).

занный выше тезис сформулирован неточно, что и породило разногласие. Точнее было бы констатировать, что пространные регесты в *некоторых* случаях могут *заменить* публикацию (даже полную) документов. Иначе говоря, необходимо признать, что регесты по своей сути не тождественны публикациям и служат иным, нежели они, целям. Лишь в некоторых случаях (повторяем) изложение содержания документа в виде регест может заменить его публикацию.

Вместе с тем важно отметить, что краткие и пространные регесты существенно отличаются друг от друга самым своим назначением: задача первых — служить главным образом указателем документов по теме; задача вторых — раскрыть самое содержание таких документов. Если первые относятся к хорошо известному среди историков и архивистов тому же типу справочников, что и архивная опись или перечень, то вторые — менее знакомая и до сих пор мало применявшаяся в Советском Союзе разновидность информационных справочников. Идея пространных регестов особенно ясно выявляется в сопоставлении их с публикациями документов. Эта идея заключается, как мы полагаем, в том, что раскрытие содержания документов достигается здесь с помощью его пересказа (изложения) археографом в виде резюме (в отличие от дословной передачи текста документа при публикации). При этом должны достигаться две цели: во-первых, выделение и более четкое изложение наиболее существенного в содержании документа для облегчения его правильного восприятия и истолкования; во-вторых, раскрытие содержания документа в более кратком, чем текст документа, виде (что существенно и для уяснения этого содержания, и в связи с изданием регестов). При этом текст резюме должен содержать информацию, необходимую для отражения во вспомогательных указателях к регестам. Подобное понимание сущности регестов в главном согласуется, как можно полагать, с мнением о них С. Н. Валка, который исходил из того, что в некоторых случаях исследователю необходима такая и в такой форме информация об историческом источнике, какая может быть дана лишь регестами. Он писал, что регесты «были вызваны к жизни не для того, чтобы заменить подлинник со всеми его особенностями, а для тех целей, которые... такого полного знания (об этом подлиннике. — Л. Ш.) не требуют». И далее: «Издания полного текста документа „важны“ читателю для одних целей, для которых они именно полностью и издаются; регесты же важны читателю для других целей, для полного удовлетворения которых и создаются разные виды регест». Здесь, несомненно, С. Н. Валк имеет в виду, что только в форме регестов читатель может получить как простой перечень необходимых ему источников, так и краткое изложение содержания документов (в пространных регестах).²⁹ Цитирование же текста документов

²⁹ Валк С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем, с. 42—43.

не является атрибутом регестов, как мы уже отмечали, а представляет собой лишь один из полезных приемов изложения содержания документов. Передача (изложение) содержания документов в сжатом виде археографом, которая свойственна пространственным регестам, есть логически оправданный и практически (в научно-методическом отношении) полезный прием ознакомления исследователя с источником и «приближения» его к оригиналу документа. Заголовок (и краткие регесты, в частности) лишь информирует исследователя о наличии документа по определенной теме. Публикация дает ему сам текст этого документа. Между этими двумя крайностями — зона полезного действия пространственных регестов. С. Н. Валк настойчиво проводил ту мысль, что регесты — не второсортная публикация (или не форма публикации второсортных документов), а самостоятельный вид пособий, необходимый исследователю именно в присущих этому пособию качестве и виде.

Как справочные пособия регесты (краткие и пространственные) оказываются особенно полезны для содействия научному использованию документов XIX—начала XX в.

Обратимся к рассмотрению конкретных достоинств (или отсутствию таковых) регестов по сравнению с публикациями. Обычно сторонники применения регестов прежде всего указывают на такое их преимущество, как краткость и связанные с этим лучшую обзорность и возможность в том же объеме текста сообщить о большем количестве документов. При этом подразумевалось, что с содержанием документов во всех его деталях исследователь сможет ознакомиться, обратившись от регеста к оригиналу документа. Естественно, что особенно краткие регесты намного «компактнее» публикации полных текстов документов. Так, текст 325 документов в одном из сборников занимает 440 страниц.³⁰ Перечень же этих документов (перечень их заголовков) занимает всего 20 страниц нетитом (или 40 страниц корпусом); вместе с легендами (что соответствует кратким регестам) этот текст составил бы примерно 80 страниц текста (корпусом). Иначе говоря, краткие регесты примерно в 5 раз компактнее полной публикации документов.

Но описание каждого документа в отдельности не единственно возможно для регестов. Отмечавшаяся нами особенность делопроизводства и хранения материалов XIX—начала XX в. в архивах — объединение документов в комплексы по вопросам (дела) — позволяет и в регестах учитывать и описывать документы по этим же комплексам — делам. С одной стороны, документы по данному вопросу либо будут, либо не будут представлять интерес для исследователя все вместе. С другой — их суммарное описание в регесте может быть не менее полно

³⁰ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914. М.—Л., 1961.

и точно (с помощью разных приемов, о чем мы будем говорить далее), нежели описания каждого документа в отдельности.

Регестам присущи и некоторые важные достоинства, которыми обладают публикации. Еще более, чем последние, регесты облегчают розыск документов, а в некоторых случаях и первоначально атрибутируют их. Первое свойство регестов, несомненно, главное.

Не останавливаясь на тех «недостатках» регестов, которые свойственны и публикациям, отметим присущие только им. Наиболее существенно то, что, в отличие от публикаций, исследователь, пользующийся регестами, не получает текстов самих документов, что не дает ему возможности сразу же ознакомиться с ними во всех деталях, легко их прочесть, удобно работать с ними; лишается он и большей части комментариев. Вместо текстов он получает либо сокращенное изложение содержания документа, либо только его заголовки. Краткие регесты сами по себе не дают исследователю возможности представить общую картину изучаемого исторического явления или процесса. Выяснение такой общей картины уже на начальной стадии работы позволяет более правильно ее (работу) организовать. Пространные регесты дают, как мы считаем, такую возможность (конечно, в случае их квалифицированной подготовки). Они же позволяют с уверенностью судить о том, какие документы заслуживают первоочередного внимания и копирования. Рабочее место исследователя перемещается в архив, что в некоторых отношениях, конечно, менее удобно. Несколько осложнена и сама техника просмотра оригиналов документов (вместо их типографского воспроизведения). Документы, хранящиеся в разных архивах, оказываются трудно-сопоставимыми (до снятия с них копий).

Достичь при пользовании регестами условий работы, почти аналогичных тем, какие возникают при пользовании публикациями, удастся копированием всех необходимых документов. Теоретически и технически это вполне возможно. Трудности проистекают лишь из несовершенной постановки копирования в архивах. Сосредоточение в руках исследователей точных копий документов не только облегчало бы для них последующую работу, но и способствовало бы повышению точности использования оригиналов документов. Представляется, что интересы архивов при этом не только никак не нарушаются, но, наоборот, обеспечиваются, поскольку устраняется необходимость повторных обращений исследователя к уже просмотренным документам. Следует надеяться, что трудности с копированием архивных документов в будущем будут устранены. А это будет способствовать повышению научной эффективности регестов.

Заметим, наконец, что неустраняемая краткими регестами необходимость для исследователя уже на начальной стадии работы обращаться в архив, хотя и несколько осложняет его работу (во всяком случае меняет ее организацию) по сравнению с тем случаем, когда исследователь пользуется изданием документов,

в научно-методическом отношении весьма полезна, поскольку вынуждает его сразу же (в начале работы) ознакомиться с основным составом источников в их документальном окружении.

При издании регестов документов XIX—начала XX в. неизбежно столкновение с той же трудностью — обилием этих документов. Однако полезные свойства регестов, прежде всего их компактность, позволяют легче справиться с этой трудностью. Имея в виду регесты как одну из форм публикации документов, С. Н. Валк писал, что невнимание к ним отчасти «оправдано тем ограниченным количеством случаев, когда сокращенные приемы издания текста вообще применимы, а также сложностью такого рода работы».³¹ Справочные же регесты (как краткие, так и подробные) не имеют ограничений в их применении, в частности к документам XIX—начала XX в. При планировании подготовки таких регестов к изданию мы считаем правильным руководствоваться теми же главными принципами, что и при подготовке этих документов к изданию целиком (см. с. 154). Особенно заманчивым представляется опубликование регестов основных материалов высших государственных учреждений — Государственного совета, Комитета министров, Совета министров и др. Хотя к материалам фонда Государственного совета еще до революции изданы описи, но, во-первых, они являются библиографической редкостью, а во-вторых, включают много дел, не представляющих научного интереса (например, судебных), что затрудняет пользование ими. Заслуживает особого внимания идея подготовки комбинированного издания по материалам Комитета министров: публикация полных текстов особых журналов этого органа в сопровождении регестов всех относящихся к каждому из журналов других документов. При этом текст журналов мог бы отчасти заменить собой (и уж во всяком случае существенно дополнить) изложение содержания документов по каждому вопросу.

Нам остается рассмотреть некоторые более существенные стороны методики подготовки регестов. К сожалению, действующие «Правила издания исторических документов в СССР», где речь идет и о регестах, для ответа на этот вопрос мало что дают.³² В § 124 указывается, что «заголовки и легенды к регестам составляются согласно общим правилам», предусмотренным для издания текстов документов целиком. О методике изложения содержания документов в пространственных регестах не говорится вообще ни слова.

³¹ Валк С. Н. Советская археография, с. 71.

³² Рекомендации «Правил издания...» 1969 г. уточнены и развиты в методическом пособии «Сокращенная передача содержания документальных источников в изданиях по истории советского общества» (Л., 1971). Хотя это пособие ориентировано на документы советского периода (почему мы его не рассматриваем специально), оно имеет и важное общее значение.

Основной части заголовка, раскрывающей собственно содержание документов, посвящен один параграф правил (§ 142) — «Обозначение содержания документов». В нем говорится лишь: «Содержание документа в заголовке должно быть отражено точно и кратко, с указанием времени и места событий, если они не совпадают с датой и местом написания документа». К счастью, методика описания делопроизводственных документов вообще разработана и дает материал для обобщения применительно к регестам.

Прежде всего необходимо отметить, что основная функция заголовка (и заголовок в регестах, в частности) состоит в том, чтобы лишь обозначить содержание документа (или дела). Такой термин употреблен и в названии § 142. По этому поводу А. В. Елпатьевский справедливо пишет: «Подавляющее большинство заголовков... не раскрывает содержания документальных материалов, а лишь обозначает его. Именно этот термин, как нам представляется, наиболее полно выражает суть работы по описанию документальных материалов — кратко, но точно обозначить содержание комплекса, выявить главные отличительные признаки данного объема информации и ее качества».³³

Следует отличать, как мы полагаем, заголовки, обозначающие содержание документов всесторонне, от тех, которые выделяют содержание документа применительно к одной из тем, чаще всего к теме издания, в том числе и регестов. Такая «избирательность» заголовка полезна, чтобы выделить в документе необходимую в данном случае информацию и не загромождать заголовки указанием на неинтересующие сюжеты. Иначе говоря, заголовок может быть составлен под двумя углами зрения: либо с обозначением полного содержания документа, когда мы рассматриваем последний просто как продукт делопроизводства и исторический источник вообще, либо с выделением лишь в данном случае интересующей одной стороны его содержания, когда документ рассматривается как источник по какой-то теме.

Практикой выработан устойчивый формуляр заголовка, состоящий из одной фразы и включающий несколько обязательных элементов. Краткостью и единством формы заголовка существенно облегчается его восприятие. Заголовок должен состоять как бы из подлежащего и сказуемого, но может быть дополнен также обстоятельствами (одним или несколькими — времени, места или причины). Это означает, что в заголовке должен быть указан предмет, о котором идет речь в документе (например, цензурный устав), указано, что с ним происходит (о его пересмотре, отмене, ужесточении его требований), а в необходимых случаях

---

³³ Елпатьевский А. В. О некоторых вопросах описания документальных материалов государственных учреждений. — Археограф. ежегодник за 1968 год. М., 1970, с. 50.

пояснено, в связи с какими обстоятельствами, в каких целях осуществляется его пересмотр и т. д. Нельзя не признать существенным содержащееся в § 142 «Правил издания...» напоминание о необходимости указывать «время и место событий, если они не совпадают с датой и местом написания документа». С наибольшими трудностями обычно приходится сталкиваться при формулировании «сказуемого». Дело в том, что первоначальная (инициативная) постановка вопроса в документе или деле может отличаться от фактического решения этого вопроса и даже быть ему противоположной. Так, вопрос мог ставиться об ужесточении требований цензурного устава, а в конечном счете его решение сводилось к смягчению этих требований. Применяемая иногда формула «по вопросу о...» может избавить от противоречия между постановкой вопроса и решением его, но достигается это слишком дорогой ценой — неопределенностью этой формулы.

В основе построения заголовка лежит обобщение на уровне документа или их комплекса — дела. Степень обобщения, естественно, предпочтительна наименьшая, т. е. лучшим считается более конкретный заголовок. Но и наименьшая степень обобщения покрывает (скрывает) конкретные данные содержания документа, если их число превышает то, которое позволяет перечислить их в заголовке. Все то, о чем говорится в документе не в единственном числе, чаще всего обобщается на порядок. Например, если в документе поименно называются несколько московских купцов, в заголовке будет говориться о представителях московского купечества вообще; если банк открывает отделения в Ярославле, Костроме и Астрахани, в заголовке речь пойдет об открытии отделений в приволжских городах (а если еще и в Тамбове, то об отделениях в провинции). Применяется и обобщение иного рода, когда конкретные (точные) сведения (факты) называются в заголовке в общем виде. Например, если в документе сообщается день, месяц и год рождения какого-то лица, то в заголовке будет говориться, что в документе содержатся сведения о «дате» (вообще) рождения этого лица. Часто заголовок абстрагируется от точных количественных показателей, содержащихся в документе.

Концентрация внимания на главном и абстрагирование от частных путем обобщения есть специфическая особенность заголовка. Связанные с этими свойствами заголовка его «недостатки» могут быть восполнены разными приемами. Простейший из них состоит в том, чтобы сопроводить заголовок примечанием (аннотацией) с перечислением в зависимости от необходимости упоминаемых в документе (или деле) имен, местностей (географических наименований) или событий, не получивших отражения в заголовке (по формуле: «со сведениями», «упоминаются» и т. д.).

Заметим, что поскольку невозможно обозначить содержание документа в заголовке, не сообщая о нем (документе) фактиче-

ских сведений, постольку любой заголовок является хоть в малой степени и воспроизведением содержания документа.

Помимо обозначения содержания документа, заголовок обычно включает указание на вид (разновидность) документа, на его автора и адресата, а также на его дату. Наименование вида документа позволяет достаточно ясно судить о его формуляре, составе сведений, манере изложения (так, мы получаем ясное представление о документе, если это представление министерства в Государственный совет). Основания атрибуции документа, если она проводилась, должны быть также отражены в аннотации.

Заголовок на дело, естественно, отличается от заголовка на документ. Виды документов, составляющих дело, не называются. Подразумевается, что состав документов в деле данного фондообразователя обыкновенен для него и известен читателю. Дата составления документа заменяется двумя: датами начального и конечного документов дела. Уровень обобщения содержания дела в заголовке возрастает. В связи с этим возрастает, конечно, и потребность в аннотировании. Полезным мы считаем перечисление списка важнейших документов дела — с указанием их вида, даты и пагинации.

Сопровождение заголовка аннотацией не меняет его природы, того, что он лишь обозначает содержание документа, но не претендует на его изложение. Соответственно не претендуют на это и краткие регесты, состоящие лишь из заголовков с аннотациями и легенд. Такая претензия присуща лишь пространным регестам, включающим, кроме заголовка и легенд, изложение содержания документа в форме резюме. Если заголовок отвечает на вопрос, о чем сообщает документ, то резюме — на вопрос, что именно сообщается в нем.³⁴

Опыта составления пространных регестов документов XIX—начала XX в. нет. Тем не менее мы можем опираться на некоторые аналоги изложения содержания документов и дел. Одним из полезных аналогов являются известные комментарии к публикациям, излагающие содержание упомянутых документов (и дел), а также комментарии к дневникам и воспоминаниям некоторых государственных деятелей дореволюционной России, в особенности изданных под руководством П. А. Зайончковского.³⁵ Вопрос о методике подготовки резюме должен решаться прежде всего с точки зрения научного назначения пространных регест. Мы ви-

³⁴ Того же мнения придерживается А. В. Елпатьевский, который замечает, что о пространных регестах «можно говорить именно как о формах описания, раскрывающих содержание документов» (Елпатьевский А. В. О некоторых вопросах..., с. 50).

³⁵ Например: Дневник П. А. Валуева — министра внутренних дел, т. 1—2. М., 1961; Дневник государственного секретаря А. А. Половцова, т. 1—2. М., 1966. — В качестве конкретного примера комментариев, излагающих содержание документов и дел, укажем комментарий № 133, 141, 144, 194, 240, 361, 468 (последний комментарий на дело) во 2-м томе «Дневника П. А. Валуева».

дим его в том, чтобы эти регесты, не заменяя оригиналов документов, вполне ориентировали историка-исследователя в основном содержании этих документов. Учитывая это и принимая во внимание особенности документов XIX—начала XX в., можно было бы выделить следующие элементы содержания документов (или дел), которые подлежали бы освещению в резюме: предыстория вопроса, мотивы его постановки вновь, существо («обстоятельства») дела, предлагаемые меры (решения), их резоны, мнения и другие варианты решения вопроса, окончательное решение дела. Естественнее всего, чтобы изложение совпадало с общей структурой документа (разделы наиболее крупных документов полезно обозначить) или порядком документов в деле.

В статье «Регесты в их прошлом и настоящем» С. Н. Валк затрагивает весьма важный вопрос, не разрешенный и даже не поставленный в «Правилах издания исторических документов в СССР» (если не считать невразумительной формулировки «с сохранением по возможности его формы» — см. с. 156), вопрос о том, должно ли в пространных регестах содержание документа излагаться близко к тексту документа (терминология, стиль и т. п.) и как бы от лица автора документа или в современной нам манере и от лица археографа. С. Н. Валк считает, что при составлении пространных регестов «употребительно» «изложение содержания документа, по возможности словами самого документа, при помощи выдержек, соблюдения языка документа (особенно в названиях, терминах) и т. п.». Наоборот, при составлении кратких регестов «почти всегда неизбежно» «господствует авторский текст».³⁶ Е. М. Тальман полагает, что при регестировании «изложение дается с соблюдением последовательности частей документа в том же времени, роде, числе, лице».³⁷ Цитирование текста документов не является обязательным элементом пространных регестов. К нему целесообразно прибегать в тех случаях, когда подлинный текст точнее и короче выражает заслуживающий внимания элемент содержания источника. Подробность изложения и применение цитирования могут определяться с учетом того, был ли (когда и где) ранее опубликован данный документ.

Третья часть регестового описания — легенда, состоящая из трех элементов: шифра — указания на место хранения оригинала документа; обозначения варианта документа — его делопроизводительной функции, способа воспроизведения, языка; сведений о предшествующих публикациях документа, а может быть, и о случаях особо обстоятельного его использования.

Основываясь на всем, что нами было отмечено ранее, мы можем констатировать, что применительно к документам XIX—на-

³⁶ Валк С. Н. Регесты в их прошлом и настоящем, с. 47.

³⁷ Тальман Е. М. К вопросу о передаче содержания документов в форме регест и таблиц, с. 96.

чала XX в. как краткие, так и пространные регесты весьма полезны. Они удачно соответствуют условиям использования документов названного периода. Краткие регесты могут хорошо ориентировать в составе документов по избранной теме. Сущность пространных регестов заключается в том, чтобы, в отличие от публикации, не воспроизводить дословно текст документа, но передать (изложить) его содержание в виде резюме в целях, с одной стороны, выделить наиболее существенное в нем, а с другой — достичь значительного сокращения объема издания (по сравнению с публикацией текстов документов). Содержание большинства документов указанного периода может быть достаточно точно передано в виде резюме (более или менее детального), размеры которого во многих случаях будут существенно (в несколько раз) меньше полного текста оригиналов. При этом возможно и полезно (хотя и не обязательно) применение цитирования для более точной передачи наиболее важных, характерных или обобщающих частей текста. Однако лишь в немногих случаях содержание документов может быть передано преимущественно цитированием с достижением существенного сокращения объема воспроизводимого текста. И краткие, и пространные регесты в разной мере отвечают насущным потребностям исследователя: сокращают путь к источнику и помогают в его изучении. Пространные же регесты сообщают исследователю такую информацию о содержании источника, которая делает возможным его первоначальное осмысление. Во многих случаях регесты дают возможность непосредственного отбора документов для копирования с целью более полного его изучения. Регесты являются разновидностью справочных пособий к документам. Отнесение их к публикациям не имеет под собой твердых оснований.

А. В. ОСТРОВСКИЙ и М. М. САФОНОВ

МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ 1905 г.

«День 17 октября, — писал В. И. Ленин, имея в виду осень 1905 г., — останется в истории, как один из великих дней русской революции. Невиданная в мире всенародная стачка достигла своего апогея. Могучая рука пролетариата, поднявшегося в порыве геройской солидарности во всех концах России, остановила всю промышленную, торговую и государственную жизнь. Страна замерла перед бурей», «и царское правительство в последнюю минуту пошло на уступку», издав известный «октябрьский манифест».¹ Появление этого документа еще не означало полного по-

¹ Ленин В. И. Первая победа революции. — Полн. собр. соч., т. 12, с. 27—28.